

— Нужно бригадиру сказать, чтобы высадил их, — сказала полнотелая проводница, брезгливо сморщив маленький нос на упитанно-круглом лице. — Я их из вагона выгнала, вон — в тамбуре стоят. Мало того, что без билетов, так ещё и дышать нечем, как в свинарнике. Фу, вонь какая из-за этих бомжей. А у меня ведь тут люди едут... — жаловалась она своей напарнице, которая, сочувственно покивав головой, двинулась на обилечивание в другие вагоны. — Семёна Ивановича увидишь — скажи, пусть подойдёт... — напутствовала она её вдогонку. — Пассажиры возмущаются... И так-то мало народа ездить стало, — проворчала про себя.

Мария подумала, что действительно пассажирам ни нос, ни рот не заткнёшь. Только вот чтобы кто-то возмущался в полупустом вагоне, она не слышала, да и о ком шла речь — не видела... Возможно, потому что сели в электричку они с дочкой недавно, а возможно, действие развернулось в соседнем вагоне...

Проводница окинула взглядом салон; не увидев новых лиц, села на свободную скамейку у окна, подсчитала выручку, и в её холёных руках холодным отсветом бесчувственного металла замелькали спицы. Их непрерывное размеренное движение притягивало взгляд, как и она сама, такая мягкая, аппетитная, как пышная дрожжевая выпечка, присыпанная сверху сахарной пудрой, выпирающая всеми своими формами из синей фирменной упаковки...

— А, Семён Иванович, голубчик,— заворковала она навстречу появившемуся пожилому мужчине в форме, наполнив голос домашней теплотой уюта.— Спасите, спасите меня, одной ведь мне не справиться...

— Где они?

— Да там, в тамбуре... Высаживать надо, сами-то не выходят...

— А куда им? Далеко?

— Да вроде нет. Две остановки, кажется...

— Посмотрим, посмотрим,— уклончиво ответил Семён Иванович, задумчиво отрывая взгляд от выбухающих из-под короткой юбки опаристых сдобных коленок.

Маше нравилось смотреть на проводницу, такую ослепительно белую и мягкую, на её белые волосы и белую кожу с нежно-розовой подсветкой румянца, на чисто белую блузку, эффектно оттеняющую синеву форменного пиджака. Она прижимает к себе уткнувшуюся в окно Дашутку и думает: в кого же ты у меня такая чернявая? Даже родной батя за свою не признал, обвинил жену в измене и ушёл...

Так-так, тук-тук — стук колёс касается слуха, металлический отсвет спиц — взгляда, она следит за ритмичным движением женских рук и, отключившись от реальности, ощущает, как нитью её жизни провязывается какой-то замысловатый узор времени, отпущенного человеку для пребывания на этой земле...

От райцентра до станции, где живёт бабушка, на пригородном поезде всего несколько остановок, по времени — минут тридцать пять, если без опоздания.

— Осторожно, двери закрываются. Следующая остановка...

За окнами лесопосадки, поля, болотины, покосившиеся деревянные домишки — всё как и в любом другом уголке России. Даже и названия порой совпадают или своим созвучием бередают душу до щемящей боли: Роща — по эту сторону Москвы, Родинка — по ту...

Когда показалось знакомое здание станции, Мария, целуя дочурку в крупную родинку ниже правого уха, говорит:

— Ну вот! Родинка — чёрная смородинка, приехали.

Она снимает её с колен, и они идут в тамбур. У дверей двое. С одной стороны — он, с другой — она, и один общий запах — неухоженности, бесприютности, бездомности... Специфический запах человеческой беды, отверженности. Неужели с нами будут выходить? Вроде таких здесь не бывало... Возраста неопределённого, но скорее молодые — за тридцать, изрядно помятые, грязные, отрешённые... У женщины опухшее лицо землистого цвета, через который словно пробивается надломанный свет, замурованный преждевременными морщинами, и одежда, тоже некогда светлая, с серым, давно не стиранным оттенком... Мужчина — с юношеской тощей фигурой, но с бородой и тёмный весь — и одежда, и лицо, тонкое, не деревенское.

Подумалось, что женщины спиваются гораздо быстрее, и пришло удивление: действительно ведь — каждой твари по паре...

Мария поправляет на плече большую сумку, плотнее прижимает к себе Дашутку, сейчас её тревожит одна мысль: дотянет ли вагон до платформы? Здесь это всегдашняя проблема. Если не дотянет — придётся прыгать... вниз, на щебень, думая об удачности приземления, о несовпадении и несоответствии во всём, начиная с личной жизни и кончая новыми поездами и старыми дорогами, платформами, не приспособленными под пассажиров, неразумной организации перевозок: грузовые составы — на первых путях, пассажирские — за ними, на вторых и третьих, а люди — между... между поездов, между жизнью и небытием, в пограничных состояниях выживания...

И вдруг:

— Помоги женщине, чего стоишь? Не видишь, с ребёнком же...

Мужчина не шевелится, до него, видимо, совсем не доходят ни смысл слов, ни смысл происходящего вокруг...

— Спасибо, Спаси Бо... — поспешно благодарит Мария, за попытку помочь и, подхватив Дашу, самостоятельно спускается на платформу.

— Храни вас Бог,— слышит она теперь уже сзади сверху этот неожиданный женский голос под нарастающий звук отходящего поезда.

До бабушкиного дома идти по центральной улице. Справа — осевший нежилой дом. Мария всегда проходит мимо него с грустью: одинокие дома, каких сейчас довольно много, стареют очень быстро и умирают так же внезапно, как люди.

Люди! Потерянные в этом мире попугачики не выходят из Машиной головы, ей хочется плакать, ей их до смерти жалко. Особенно женщину...

— Храни вас Господи! Спаси их Боже... — шепчет она.

Справа — огромное старое дерево, на её шёпот оно отвечает шелестом облетающих жёлтых листьев. Ветер срыывает их и бьёт об асфальт, отражающий в расплывшихся лужах небо. Ещё не увядшие, но уже обречённые в своей созревшей красоте, они осыпаются под ноги прохожим, и, боясь наступить на них, как на что-то живое, Мария думает: «Они приносят себя в жертву нам, идущим... Они прикрывают собой землю в преддверии холодов, они становятся её плодородным слоем, который, из века в век наслаиваясь один на один, и создаёт ту культурную плодородную почву, которая нас питает. Так вот и люди. Жизнь — это дерево. А мы — его листья, которые разносит по свету ветер судьбы, прибывая в урочный час к земле, чтобы своей отжившей плотью прикрыть живое от гибели, стать частью её возрождения... и в этом естественном процессе участвует каждый листок, независимо от формы и размера... Значит, каждый человек нужен этому миру уже только потому, что он родился... И, даже упав в грязную лужу, он соприкасается с отражённой в ней высью — сутью человеческой души. Так спаси же нас всех, Господи! Спаси, Боже...»